

ОБРАЗ ФРАНЦИИ  
ПОСЛЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН  
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА  
«THE NORTH AMERICAN REVIEW», 1815–1816

*Л.М. Троицкая*

В статье рассмотрена проблема восприятия Франции и французов в период крушения империи Наполеона I Бонапарта, завершения эпохи Наполеоновских войн и начала периода Реставрации Бурбонов на страницах американского журнала «The North American Review» в 1815–1816 гг. Журнал публиковал рецензии на важные, по его мнению, травелоги, написанные как американцами, так и англичанами. Это дополняется публикацией отрывка из письма, напечатанного в одной из французских газет. В содержании некоторых материалов, отобранных «The North American Review», существенное, хотя и косвенное, место занимала Россия, восприятие которой было связано с находившимися во Франции русскими военными, прежде всего казаками.

**Ключевые слова:** журнал «The North American Review», 1815–1816 гг., травелоги, Франция, французы, Россия, казаки

The article examines the problem of perception of France and the French during the collapse of the empire of Napoleon I Bonaparte, the end of the Napoleonic Wars and the beginning of the Bourbon Restoration period on the pages of the American magazine «The North American Review» in 1815–1816. The magazine published reviews, which in its opinion, were important travelogues written by both Americans and British. This is complemented by the publication of an excerpt from a letter printed in one of the French newspapers. In the content of some of the materials selected by «The North American Review», Russia occupied a significant, albeit indirect, place, the perception of which was associated with the Russian military stationed in France, primarily the Cossacks.

**Key words:** «The North American Review» magazine, 1815–1816, travelogues, France, the French, Russia, Cossacks

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-242-265

---

*Троицкая Лариса Михайловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела региональных исследований. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

Один из ведущих литературно-критических и общественно-политических журналов США в первой половине XIX в. «The North American Review»<sup>1</sup> («NAR») был основан в Бостоне (Новая Англия) в 1815 г. бостонско-гарвардской образованной элитой – членами литературного общества «The Anthology Club». Новая Англия была наиболее «проанглийским» регионом страны, имевшим тесные торгово-экономические, деловые, социокультурные, родственные и иные связи с бывшей метрополией – Великобританией. Хотя здесь же зарождалось в конце XVIII в. новое независимое республиканское государство – Соединенные Штаты Америки. Журнал по своей структуре копировал лучшие британские образцы, в частности такое периодическое издание, как уже завоевавший популярность по обе стороны Атлантики «The Edinburgh Review, or The Critical Journal» (1802–1929). Этот шотландский либеральный журнал внес большой вклад в формирование литературной критики в XIX в., и соперничать с ним по престижу и авторитету мог только лондонский торийский журнал «The Quarterly Review» (1809–1967)<sup>2</sup>. Однако основатели «NAR» намеревались составить конкуренцию ведущим британским периодическим изданиям<sup>3</sup>.

По тогдашней традиции «NAR» публиковал анонимные рецензии на американские и европейские, главным образом английские, французские, немецкие, книги по социокультурной тематике. Широкий пласт составляли разнообразие травелоги, авторы которых описывали свои впечатления о путешествиях по США и некоторым странам Европы. Эти книги имели форму путевых записок, дневников, писем (иногда в журнале публиковались письма частных лиц, заинтересовавшихся редакторов), мемуаров. Следует отметить, что поскольку «NAR» играл важную роль в формировании американской идентичности, описания путешествий прекрасно подходили для этой цели. Травелоги привлекали внимание читателей, расширяли их общий кругозор и стимулировали рост национального самосознания граждан США при знакомстве с другими странами.

Нельзя не отметить и тот факт, что авторами рецензируемых трудов зачастую являлись не американцы, а европейцы, в частности британцы. И поэтому американские читатели знакомились со странами континентальной Европы опосредованно через призму европейского восприятия. В связи с этим важно обратить внимание на выбор редак-

---

<sup>1</sup> Первоначальное полное название журнала – «The North-American Review and Miscellaneous Journal».

<sup>2</sup> URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Edinburgh-Review-or-The-Critical-Journal>

<sup>3</sup> URL: <https://northamericanreview.org/history>

торами тех или иных книг. В ограниченных по объему журнальных обзорах рецензенты очень часто в силу собственной заинтересованности выделяли определенные сюжеты и темы, которые сопровождалось большими цитатами из текстов оригинала и служили обозревателям лишь поводом для собственных рассуждений на избранную проблематику или близкие вопросы.

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных проблеме восприятия стран Старого Света на страницах «NAR»<sup>4</sup>. В первой половине XIX в. Великобритания как одно из крупнейших и наиболее экономически развитых государств, мощная колониальная империя интересовала и европейцев, и американцев, многие из которых стремились побывать в этой стране. Однако некоторые государства континентальной Европы тоже в силу ряда причин были притягательны как для европейцев, так и граждан США. Цели поездок были разными — популярные с XVIII в. так называемые познавательные и развлекательные «большие туры», охватывавшие иногда несколько государств, деловые и служебные поездки, учеба, лечение на курортах, научные изыскания, временное проживание и т.д. Это нашло свое отражение в материалах «NAR». Речь идет прежде всего о Франции, некоторых германских государствах, Швейцарии, Испании, Италии. Очень редко появлялись рецензии на книги, касавшиеся, например, таких отдаленных и экзотических стран и регионов, как Балканы, Исландия. В журнале было опубликовано несколько обзоров, связанных с историей и культурой России и некоторым аспектам ее современного положения (деятельность русских на Северо-Западе Америки, некоторые аспекты внешней политики, русские стихи и сказки, императоры Петр I и Екатерина II, крепостное право), однако только многотомный травелог французского путешественника маркиза де Кюстина «Россия в 1839» привлек редакторов «NAR», и то лишь частично. Однако в материалах о Франции в 1815–1816 гг. фактор России косвенно присутствовал через восприятие русских войск, находившихся в стране.

Журнал начал издаваться в знаменательное время — окончилась бурная эпоха Наполеоновских войн, завершившаяся крушением империи Наполеона I. Естественно, в фокусе внимания первых лет своего существования находилась Франция. Показательно, что в самом первом выпуске «NAR» один из его основателей и первый редактор

---

<sup>4</sup> См.: *Троицкая Л.М.* Британские впечатления американцев и жителей континентальной Европы (по материалам журнала «The North American Review», 1815 — середина 1820-х гг. // *Американский ежегодник 2012.* М., 2012. С. 122–143; *Ее же.* Гости туманного Альбиона: европейцы и американцы о Британии и британцах (по материалам журнала «The North American Review», конец 1820-х — 1840-е гг.) // *Американский ежегодник 2013.* М., 2013. С. 112–138.

У. Тюдор (1779–1830)<sup>5</sup> опубликовал свой обзор<sup>6</sup> книги «A Few Weeks in Paris During the Residence of the Allied Sovereigns in that Metropolis»<sup>7</sup>. В начале рецензии Тюдор дал собственную оценку Французской революции 1789 г. и, по существу, с умеренно-консервативных позиций провозгласил американские либеральные буржуазно-демократические ценности как идеологическую направленность «NAR»<sup>8</sup>. Он признал: «Мы отравлены страстями того периода; наша кровь разогрета заразительным насилием эры разрушения»<sup>9</sup>. Тюдор также заявил, что собственно революция была «лишь механической частью этого» и сильно повлияла на остальной мир – на состояние умов, отношения между социальными группами населения в других странах – и сравнил революцию с внезапно взорвавшимся вулканом. Оглядываясь на прошедшие 30 лет, рецензент утверждал, что первоначально якобы преобладал энтузиазм,

«когда каждый человек наслаждался улучшением гуманитарных условий; когда [люди] горячо лелеяли самые светлые образы счастья; <...> все чувства были пылкими, все принципы – либеральными; думали, что наступает политический “золотой век”, привилегия сходила на нет, монополия расширялась, <...> национальный и личный эгоизм уступили дорогу общей доброжелательности, и человечество почти убедили в том, что вечный мир, политическая добродетель, народное благоразумие, отказ от своей привилегии и национальное великодушие были чем-то бóльшим, нежели лучезарные иллюзии»<sup>10</sup>.

По мнению Тюдора, эти мечтания людей был чистыми, благотворными и честными.

Однако свои рассуждения о крушении иллюзий относительно Французской революции XVIII в. он завершил уверенностью в том,

---

<sup>5</sup> Уильям Тюдор (1779–1830) – бостонский предприниматель, журналист, дипломат, выпускник Гарвардского колледжа (1796), автор нескольких книг. Побывал в Европе в конце XVIII в.

<sup>6</sup> Авторство этой и других рецензий в «NAR» определено в книге: *Cushing W. Index to the North American Review: Vols. I.–CXXV. 1815–1877. I. Index of Subjects; II. Index of Writers.* Cambridge (Mass.), 1878.

<sup>7</sup> A Few Weeks in Paris // *The North-American Review and Miscellaneous Journal* (далее: NAR). 1815. Vol. 1. No. 1. May. P. 91–110 (<https://www.jstor.org/stable/25121089>). В виде репринта данную книгу опубликовало в 2015 г. издательство «Палала» и она продается через Интернет. Ее представляют «выбранной учеными», важной в культурном отношении работой, «частью наших базовых знаний о цивилизации» (<https://www.amazon.com/Few-Weeks-Paris-Sovereigns-Metropolis/dp/134085242X>).

<sup>8</sup> Об идеологиях в США подробнее см.: *Согрин В.В.* Американские идеологии XVII–XXI веков. М., 2024.

<sup>9</sup> A Few Weeks in Paris. P. 91.

<sup>10</sup> Ibid. P. 92.

что кое-какие достижения все же остались. Тюдор одобрил процесс перераспределения во Франции собственности в пользу «среднего сословия» за счет бесчисленных громадных земельных владений Католической церкви и высшей светской знати. Он надеялся на этот предприимчивый класс, который по примеру Англии, сможет способствовать процветанию Франции в будущем. Вторым важным положительным плодом революции было «устранение некоторых национальных и религиозных предрассудков и привнесение в разные страны новшеств из других государств (Франции. — *Л.Т.*), в которые едва ли эти новшества могли (в иное время. — *Л.Т.*) передаваться»<sup>11</sup>. Рецензент объяснял это тем, что в результате хаоса войны и революции представители разных стран<sup>12</sup> — солдаты или беженцы — наблюдали усовершенствования в других государствах и могли что-то полезное внедрить потом у себя на родине. В частности, такие бросающиеся в глаза улучшения можно было подметить во Франции, особенно в деревнях и сельских домах, хотя еще многое надо сделать. Вывод Тюдора гласил: «Этот обмен дружественными или военными визитами познакомил нации друг с другом, и их законы и нравы выставлялись на взаимное обозрение, которое быстро становилось темой для газет»<sup>13</sup>.

Еще одно сохранившееся достижение Французской революции заключалось, по мнению рецензента, в частичном улучшении положения низших классов общества, что повлияло даже на самые деспотические страны, где эти классы тоже освобождались от некоторых оков. Выражая свою точку зрения в духе американских демократических и республиканских ценностей, Тюдор обратил внимание на расширение возможностей для талантливых и добродетельных людей подняться с социального дна на вершины общества, а феодальный порядок, разделявший людей на дворянство и «подлое сословие», назвал варварским. Он указал на такие важнейшие качества для успешности простого человека, как честность, трудолюбие и бережливость. По существу, Тюдор повторил принципы господствовавшей в США протестантской этики.

Рецензент-республиканец был вынужден признать «одним из наиболее очевидных преимуществ реставрацию» династии Бурбонов (1814—1830), которая так долго откладывалась, то, что она «в огромной степени уберегла Францию от превращения в театр бесконечных гражданских войн»<sup>14</sup>. Возвращение на французский престол

---

<sup>11</sup> A Few Weeks in Paris. P. 94.

<sup>12</sup> Имеется в виду нахождение иностранных войск на территориях тех или иных воюющих государств.

<sup>13</sup> A Few Weeks in Paris. P. 94—95.

<sup>14</sup> Ibid. P. 96.

старинной королевской династии он объяснял своим американским читателям необходимостью, а также усилиями не ее приверженцев в стране, а суверенов коалиции государств, победивших Наполеона. Однако Тюдор надеялся, что во Франции влиятельные сторонники короля Людовика XVIII не будут «монополизировать или контролировать политику будущего правительства»<sup>15</sup>. По его мнению, поскольку король находился долгие годы в эмиграции в Англии, ему будет очень трудно наладить мирную жизнь в разоренной и потерпевшей военное поражение стране. В этом контексте рецензент уделил особое внимание проблеме места религии (в его терминологии «рационалистической религии». — *Л.Т.*) в эпоху Реставрации. Он советовал королю современной Франции скорректировать с помощью «твердой, полезной и милосердной части религии (католицизма. — *Л.Т.*)» все еще существовавшие в стране распущенные нравы, а не возбуждать у некоторых людей в ряде провинций старые злоупотребления. Тюдор допускал, что надо сохранить лишь церковные церемонии, празднества и «монашеские несуразности», т.е. внешние проявления религиозности.

Еще одну опасность для французских властей он узрел в призывах плантаторов в бывшей заморской колонии Сан-Доминго (на о. Гаити) захватить остров, ликвидировать проживавших там чернокожих, завоевавших государственную независимость и личную свободу, и восстановить старые порядки и рабство за счет невольников, привезенных из Африки, т.е. за счет работорговли. Рецензент был категорически против этого преступного, по его мнению, занятия и привел в качестве примера Великобританию, где 25 марта 1807 г. после длительной борьбы работорговлю запретили парламентским законом.

Завершив свои общие предварительные рассуждения о Франции, Тюдор обратился собственно к рецензируемой книге, написанной анонимным англичанином<sup>16</sup> в форме писем другу. Рецензент похвалил автора за живое описание интересных сцен, которым тот был свидетель, а также обратил внимание на некоторые важные наблюдения и выразил надежду, что в будущем этот автор, усердно работая, напишет новые труды. Однако Тюдор указал и на недостатки, не одобряя, в частности, излишнее увлечение французскими словами. Неопытность (автору, скорее всего, было примерно 22–23 года

---

<sup>15</sup> Ibidem.

<sup>16</sup> Однако имеются сведения, что в действительности книгу написал уроженец Бостона, сын преуспевающего купца, выпускник Гарвардского колледжа, филантроп, политический деятель Теодор Лиман (1792–1849). Он был автором ряда работ по истории и травелогов. Находился в Европе в 1812–1814 и 1817–1819 гг. Избирался мэром Бостона (1834–1835). Подробнее см.: *Bowditch H.P. Theodore Lyman // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1899. Vol. 34. No. 23. June. P. 656.*

от роду. — *Л. Т.*) проявлялась в поспешной компоновке текста, и торопливости изложения быстро чередовавшихся событий и перепаде настроений.

В качестве примеров в рецензии были процитированы большие отрывки из книги. С учетом внимания Тюдора к роли религии в современной Франции, о чем уже говорилось, понятно, почему обозреватель выделил проблему развлечений по воскресеньям и Дням святых. Речь шла об ордонансе Людовика XVIII, укреплявшего позиции Католической церкви, предписывая закрывать в эти дни магазины, кафе, рестораны, другие места развлечений. Вместо работы следовало молиться. Однако, по мнению автора книги, для французского народа «святость» воскресенья заключалась не в религии, а в возможности повеселиться<sup>17</sup>. Он заметил всеобщее недовольство и существовавшее мнение, будто в этом вопросе на короля повлияла жизнь в Англии. Автор задавался вопросом: вместо того, чтобы заставлять людей ходить в церковь по воскресеньям и при праздновании Дней святых, не лучше ли дать возможность зарабатывать на жизнь. Он также вопрошал, почему в стремлении повысить моральные устои в обществе правительство Франции не обратило внимание на игорные дома в Париже, в том числе во дворце Пале-Рояль, где в шести-семи прекрасно обставленных комнатах процветают азартные игры, в которых участвуют мужчины и женщины всех возрастов. Автор высказал подозрение, что, возможно, закрытие по воскресеньям общественных парков и увеличение благодаря этому количества посетителей игорных домов связано не столько с заботой о религиозности населения, сколько со способом пополнения государственной казны, так как игорные дома покупают лицензию на свою деятельность.

Тюдор отреагировал на подобные рассуждения. Он признал, что в разных странах по-разному проводится воскресный день в зависимости от характера жителей в целом, и отчасти от поведения отдельных личностей. Тюдор вспоминал, как во времена своей молодости в благочестивой Новой Англии летом, кроме семейной молитвы, дети еще присутствовали на двух богослужениях, а вернувшись домой, были обязаны до захода солнца слушать бесконечное чтение проповедей. Он критично с сарказмом заметил по этому поводу, что такая хорошо просчитанная система подходит для будущего картезианского монаха, но не для самых лучших чувств мальчиков, предназначенных для мирской жизни, и «великолепно придумана, чтобы внушить отвращение к религии в целом»<sup>18</sup>. Поэтому во имя интересов религии воскресный день должен восприниматься как благостный и желанный.

---

<sup>17</sup> A Few Weeks in Paris. P. 100.

<sup>18</sup> Ibid. P. 104.

Для большей убедительности Тюдор сравнивает английское и французское воскресенье. В Англии представители высших слоев общества после утренней службы в церкви проводят время на свежем воздухе, отправляются на прогулку в экипажах или пешком, поздно обедают, беседуют по вечерам и лишь в немногих домах звучит музыка. Представители средних слоев выезжают за город повидать друзей. Работяги отдыхают в бесчисленных пивных, где они курят и пьют. Рецензент даже посмеялся: «Возможно, воскресным вечером в большом городе Англии можно собрать больше пьяных мужчин, чем по всей Франции»<sup>19</sup>. Тем временем жены и дети этих пьяниц сплетничают, идя на какое-нибудь собрание фанатиков-методистов, или с тревогой и страхом ожидают возвращения домой выпившего мужа-грубияна. Французы из высших кругов, хотя и не столь широко, как раньше, утром идут к мессе, затем — ко двору, а вечером посещают какой-нибудь светский прием. Люди из средних классов вечером идут в театр, те, кто победнее, тоже идут в театр либо в маленькие парки, где пьют легкое вино или лимонад, тогда как молодежь танцует. Во французских деревнях местные обитатели после заката солнца тоже танцуют рядом с домом помещика и церковью.

Согласно Тюдору, жители Франции проводят воскресенье лучше, чем англичане. При этом он не намерен противопоставлять привычки одних народов нравам других. Просто, по его утверждению, французы — «танцующий народ», привыкший к веселью и фривольности, тогда как танец для американцев или англичан — это «необычное напряжение, серьезное дело», но для низших классов танцы являются грубым весельем. Говоря о северо-восточных штатах США, рецензент считает, что поведение в воскресенье не надо менять, так как во многих местах оно естественно и приемлемо для общественных нравов, и невозможно и вредно пытаться возратить привычки пуритан Новой Англии.

Итогом завершения эпохи Наполеоновских войн стало поражение Франции. Поэтому естественно, что второй отрывок из книги касался оккупации страны союзными войсками России, Англии, Австрии, Пруссии. Однако данный отрывок интересен восприятием солдат Российской империи. Судя по признанию автора, он встречался с военными из разных стран, и его интересовало, кого из военачальников союзных сил они считали главным стратегом, победившим Наполеона. Сам американец полагал, что большинство назовет главнокомандующего всеми русскими войсками в 1814–1815 гг. М.Б. Баркляя де Толли, поскольку собеседники признавали, что тот «планировал кампанию Москвы». Автор охарактеризовал его как доброжелательного человека,

---

<sup>19</sup> Ibidem.

«храброго малого». Заметим, что генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов не упоминается. Офицеры союзных армий считали, что участник Войны США за независимость (1775–1783), генерал от инфантерии на русской службе, француз по происхождению А.Ф. Ланжерон — «хороший офицер». По мнению других, лучшим офицером на русской службе был генерал-фельдмаршал немецкого происхождения П.Х. Витгенштейн. Упомянулся также прусский генерал-фельдмаршал Г.Л. фон Блюхер, но только как прекрасный тактик на поле боя. Все же историки, в том числе зарубежные, в большинстве своем признают, что «российская армия была, несомненно, главным фактором в победе союзников над армиями французского императора в 1812–1814 годах, что принесло ей и России вообще огромный авторитет в Европе»<sup>20</sup>.

Нельзя специально не отметить очень показательные, популярные в Европе русофобские сентенции относительно восприятия России в целом и русских военнослужащих в частности как «загадочных», «диких» Других по сравнению с «цивилизованными» европейцами. Это влияло и на граждан США. Российский историк А.С. Панов отмечает: «Американское общество на рубеже XVIII–XIX вв. знало о России очень немного. Сведения о заокеанском соседе просачивались в основном или через цитирования английской периодики, или сквозь компиляции европейских травелогов, публиковавшихся в виде небольших заметок. В обоих случаях предзнание о русском Другом формировалось в русле ориенталистского дискурса эпохи Просвещения, который представлял Россию как полуварварскую страну, только прикрытую фасадом цивилизации»<sup>21</sup>.

Судя по всему, Лиман находился под этим влиянием. Так, например, «похожий на джентльмена» Ланжерон «не имел ничего общего с грязным, варварским обликом, который был скорее обычным среди русских офицеров»<sup>22</sup>. Посещая в Париже прекрасные места — Ели-

---

<sup>20</sup> Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. М., 2007. С. 425.

<sup>21</sup> Панов А.С. «Превосходная степень однообразия»: репрезентации Сибири начала XIX века в воспоминаниях американского капитана Джона д'Вульфа // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: *pro et contra* [Сб. ст.] / Под ред. И.В. Морозовой, В.И. Журавлевой. М., 2023. С. 142.

<sup>22</sup> *A Few Weeks in Paris*. P. 107. Однако в реальности офицерский корпус русской армии состоял в большинстве своем из образованных, прекрасно говоривших по-французски дворян и представителей высшей аристократии. До Отечественной войны 1812 г. в России среди дворянства даже процветало такое явление, как галломания, которое, однако, одобрялось далеко не всеми соотечественниками. Русский художник А.Г. Венецианов создал целую серию карикатур: «Французское воспитание», «Французский магазин помады и духов», «Французский парикмахер», «Деятельность француженки в магазине» и др. Подробнее см.: Букреева Е. Русская карикатура эпохи Отечественной войны 1812 года (<https://blog.mediashm.ru/?p=7483>).

сейские поля, сад Тюильри и Люксембургский сад, — американец вспоминал, как еще несколько лет назад там «постоянно можно было видеть самых прекрасно одетых и прекрасно воспитанных женщин и мужчин Европы». Теперь же все изменилось, и вы видите ужасную картину:

«Казачи<sup>23</sup> со своими пиками, скачущие галопом на маленьких, невзрачных лошадях по этим куртинам. Калмыки с берегов Волги и Черного моря, наследники владений [царя] Митридата — Скифы из неприветливых и неизведанных областей Татарии — орды не проникли в Европу со времен последнего захвата Рима. Они одеты и вооружены так же, как их описал один из римских историков — племена, пришедшие из-за китайской великой стены, которых никогда ранее не видели или о которых не слышали в Европе, со всеми их чертами лица, одеждами, обликом и телосложением. <...> Эти некоторые бесчисленные племена привели в Европу, чтобы помочь завоевать и ограбить нацию<sup>24</sup>, о которой они никогда не слышали или о чьем существовании не имели понятия. До недавнего времени захваты французов потрясли страны мира. Четырнадцать сотен лет назад они (племена. — *Л.Т.*) незаметно бродили по бескрайним равнинам Азии, о которых ни один европеец ничего не знал. Здесь они (разноплеменные солдаты русской армии. — *Л.Т.*) сидят, покуривая, у подножий деревьев — некоторые блуждали среди толпы — один

---

<sup>23</sup> В Западной Европе, прежде всего в Великобритании и Франции, были широко распространены карикатуры, визуально закреплявшие у публики стереотипы восприятия России в образах неотесанных, страшных казаков, диких медведей, смертоносных морозов. См., напр.: *Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г.* Медведи, Казаки и Русский мороз: Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016. Можно предположить, что Т. Лиман был знаком с такими «картинками», которые закрепляли уже созданные популярные клише или продолжали их конструировать. До первой трети XIX в. английская карикатура переживала свой золотой век, и неслучайно она «вызывает международный, если не мировой интерес. Она коллекционируется в музеях и частных собраниях не только Великобритании, но и США, Германии, Франции». Ее знали и в России. Подробнее см.: *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004. С. 134.

<sup>24</sup> Подобные стенания можно прочитать и во французских военных донесениях. Так, в официальных известиях армий, адресованных в 1813 и 1814 гг. регентше Марии-Луизе, французской императрице и королеве Италии, от 14 марта 1814 г. говорилось в связи со смертельным ранением в районе Реймса командующего 8-м русским корпусом, генерала Сен-При, что он пришел «во главе татар из пустыни опустошать нашу прекрасную родину». См.: «Война перьев»: официальные донесения о боевых действиях 1812–1814 гг.: сб. документов / Сост.: А.А. Подмазо, А.А. Васильев, О.Г. Леонов. СПб., 2014. С. 395. О «страшных», «диких» казаках во французской пропаганде также см.: *Lesur Ch.-L.* Histoire des Cosaques, précédée d'une Introduction ou Coup d'oeil sur les peuples qui ont habité les pays des Cosaques, avant l'invasion des Tartares: T. 1–2. Paris, 1814.

стоял, и его разглядывала французская леди – “О, Господи! Какая осанка” – Вечером на Елисейских полях можно видеть небольшие группы этих варваров, сидящих вокруг костров и действующих так же, как всегда можно видеть на границах Черного моря и в азиатских странах. Кто-то может подумать, что находится во времени, когда Атиллы и его гунны захватили Париж»<sup>25</sup>.

В риторике Лимана ощущалось влияние наполеоновской пропаганды, активно обрабатывавшей французское общественное мнение и изображавшей Российскую империю врагом Франции и всей Европы, и таким образом Наполеон «пытался сохранить и укрепить собственные завоевания»<sup>26</sup>. Это должно было оправдывать войны и захваты для распространения «цивилизированности» в западноевропейском ее понимании. Представляется важным подход к проблеме восприятия России отечественного историка В.И. Журавлевой, которая отмечает, что в Европе, «начиная с XVIII в., и США, начиная с XIX в., существовала сложность, поскольку в ней (России. – Л.Т.) Восток и Запад не просто встречались, но и перемешивались, а сама она зачастую позиционировала себя как Евразию. Вопрос состоял в том, какую из двух ипостасей России западный наблюдатель и критик хотел сделать объектом своего внимания и изучения, и если ориентальную, то как она использовалась и насколько абсолютизировалась в противоположении западному Своему (в нашем случае американскому). Именно в таком контексте возникал образ одномерной России, неизменно становившийся образом дихотомическим, когда русский Другой использовался для актуализации преимуществ американского Своего»<sup>27</sup>.

Рассуждения Лимана, состоявшие из смеси личных наблюдений, мифов и страхов, демонстрируют глубоко сидящие в западноевропейском и американском менталитете стандартные образы русских казаков и через них России в целом, которые накладывались на некоторые реальные сцены. Всё это автор постарался изложить в своей книге, а «NAR» транслировал такой подход американскому читателю. Итоговое мнение Т. Лимана было пугающим:

---

<sup>25</sup> A Few Weeks in Paris. P. 109.

<sup>26</sup> *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время 1812 года. М., 2016. С. 247. См. также: *Таньшина Н.П.* Русофобия: История изобретения страха. М., 2023; *Ее же.* Страшные сказки о России: Классики еврейской русофобии и не только. СПб., 2023; и др.

<sup>27</sup> *Журавлева В.И.* Образы России в американской ориенталистском дискурсе // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra [Сб. ст.] / Под ред. И.В. Морозовой, В.И. Журавлевой. М., 2023. С. 173.

«Это — необычайное собрание (на Елисейских полях русских солдат, сидящих у костров. — *Л.Т.*), их удаленные и неизвестные страны; удивительное отличие (от жителей Европы. — *Л.Т.*) в манерах; ужасное и в некоторых отношениях такое же вторжение, как совершали их предки; невиданные причины, которые привели их в самый интересный город мира; их полное несоответствие и чужеродность любому окружавшему их объекту; их собственное безразличие к новизне и парадности их положения; их бесчисленные и отталкивающие наречия и путаница языков — всё это порождает чувства и ассоциации, которые нельзя описать и которые едва ли возможно когда-либо понять, если они опять возникнут или пробудятся в каком-либо другом месте»<sup>28</sup>.

Тюдор никак не отреагировал на такие формулировки, возможно, внутренне с ними соглашаясь либо не считая нужным развивать эту тему в данный момент<sup>29</sup>.

Российский историк Н.Н. Болховитинов отмечал: «В США пристально следили за развитием событий, происходивших в 1812 г. в России. Фередалисты традиционно занимали в отношении России благожелательную позицию, а республиканцы были настроены, как правило, более критически. <...> От исхода битв на полях Рос-

---

<sup>28</sup> A Few Weeks in Paris. P. 109.

<sup>29</sup> В контексте англо-американской войны (1812–1815) в США на страницах газет и журналов шла острая полемика, в которой активное участие принимал русский консул в Бостоне «донской казак» А.Г. Евстафьев, написавший также для американской публики книгу о России и Отечественной войне 1812 г. См.: *The Resources of Russia, in the Event of a War With France; With A Short Description of the Cozaks. ... An Appendix, Containing a Sketch of the Campaign in Russia.* 2nd ed. Boston, 1813. В Англии также проявили интерес к этой работе, третье издание которой вышло в свет в Лондоне в 1813. Американцы могли также познакомиться с публицистикой А.Г. Евстафьева. См.: *Memorable Predictions of the Late Events in Europe.* Extracted from the Writings of Alexis Eustaphieve, Esquire. Boston, 1814. Весной–летом 1813 г. в некоторых городах США прошли торжества по случаю побед русского оружия над Наполеоном и его изгнания из России, на которых присутствовали многие общественные и государственные деятели. Особо пышно такое торжество прошло в Бостоне 25 марта 1813 г., где присутствовало 2 тыс. приглашенных, включая Евстафьева, прошла церковная служба и был дан банкет. Подробнее см.: *Болховитинов Н.Н. Соединенные Штаты Америки и Отечественная война 1812 г. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны и Освободительной войны 1813 г. в Германии /* Ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988 (<https://america-xix.ru/library/bolkhovitinov-usa-napoleonic-wars/>); *Виницкий И. «Человек рассеянный» Alexis Eustaphieve (1779–1857) как национальный проект // Новое литературное обозрение.* 2014. № 6 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2014/6/chelovek-rasseyannyj.html>); *Kurilla I. «Russian Celebrations» and American Debates about Russia in 1813 // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity.* 2016. Vol. 44. Iss. 1: Special section: Tatarstan: adjusting to life in Putin's Russia. P. 114–123; *Казанские известия.* 1813. 27 сентября. С. 11–12; и др.

сии во многом зависели судьбы Европы, а в конечном итоге и всего мира»<sup>30</sup>.

Завершается обзор общим рассуждением Тюдора о том, какой была в прошлом и какой должна быть в будущем политика европейских государств. По его мнению, главное зло в эпоху Наполеоновских войн заключалось в нарушении баланса сил, когда всё в мире оказалось в руках двух враждующих держав, — Франция владела сушей, а Англия — морем. После крушения Наполеона восстановился баланс в Европе, когда такие игроки, как Россия, Австрия, Пруссия, Англия, Франция, для решения разных проблем могли организовывать коалиции и союзы различной конфигурации. Однако Тюдор пришел к выводу, что этого недостаточно, советовал им учитывать интересы малых государств, иначе возникнут новые обиды, и пока экономическое положение в Европе плачевное, ресурсы продолжают поглощаться огромными армиями, «зараженными желаниями и привычками воевать, и нет твердой надежды на то, что несчастья ее жителей могут быть каким-то образом прекращены»<sup>31</sup>.

При описании событий во Франции «русский» сюжет в более положительном свете вышел на первый план в перепечатанном «NAR» без комментариев отрывке из анонимного частного письма, опубликованного первоначально в одной из французских газет. Он назывался «The Camp at Vertus» и касался лагеря русских войск во французском городке Вертю. Очевидец похвалил царивший там порядок. Каждый военный корпус располагался отдельно вблизи воды и деревьев, каковых на «огромной равнине» было немного. Выглядел такой бивуак следующим образом: на передней линии находились ружейные пирамиды, за ними находились укрытия для войск, направо за повозками с боевыми припасами установлена пушка и еще дальше располагались походная печь и обоз. Во всем наблюдалась аккуратность. Автор письма бродил по лагерю в течение часа в обеденное время, и больше всего его поразило то, что среди огромного скопления солдат царило молчание. Кроме того, наблюдатель заметил, как местные крестьяне везли русским провиант и «их внешний вид предвещал скорее надежду на получение барыша, чем на страх быть ограбленными»<sup>32</sup>. Штаб-квартира русских войск располагалась в Вертю, но и здесь, несмотря на «удивительную суматоху», царило такое же спокойствие среди части горожан из-за отсутствия споров по поводу временного жилья, распределения прибыли и т.д. Очень быстро возводились всевозможные постройки — кофейни, трактиры,

<sup>30</sup> Болховитинов Н.Н. Указ. соч.

<sup>31</sup> A Few Weeks in Paris. P. 110.

<sup>32</sup> Miscellaneous Extracts from Foreign Journals // NAR. 1816. Vol. 2. No. 5. January. P. 177 (<https://www.jstor.org/stable/25121151>).

балаганы. На одном из киосков красовались вывески: «Мока<sup>33</sup> кофе, Мороженое, Шербет».

Однако в целом благожелательные к русским военным наблюдения автор письма закончил ироничным замечанием, которое свидетельствовало о широко распространенном в Западной Европе, да и в России мифе о так называемых «потемкинских деревнях», ставших именем нарицательным как символы показухи и бутафории. Это было связано с именем светлейшего князя Г.И. Потемкина, организовавшего в 1787 г. поездку русской императрицы Екатерины II в завоеванную Россией у Турции Таврическую область. Опубликованный в «NAR» отрывок из письма завершается такими словами по поводу упомянутых выше времянок: «Александру (императору Александру I. — Л. Т.) должен был здесь понравиться облик одного из тех созданных городков, которые предстали перед Екатериной во время ее путешествия по Украине»<sup>34</sup>. Однако следует отметить, что пребывание русских войск в Вертю было отнюдь не иллюзорным. Именно там в провинции Шампань 10 сентября (29 августа) 1815 г. император Александр I произвел грандиозный смотр 150-тысячной русской армии<sup>35</sup>. Но в опубликованном отрывке из письма об этом ничего не говорилось.

В 1816 г. «NAR» продолжил публикацию двух обзоров о Париже и Франции после краха Наполеона и во время его попытки триумфально вернуться во французскую столицу и вернуть себе власть в ходе так называемых «Ста дней» (20 марта — 7 июля 1815 г.). Обзоры написал уже упомянутый У. Тюдор. При этом напомним, что по традиции все материалы печатались анонимно. Прежде всего его внимание привлекла книга «A Visit to Paris in 1814; Being a Review of the Moral, Political, Intellectual, and Social Condition of the French Capital» шотландского журналиста, редактора либерального еженедельника «The Champion» Джона Скотта (1784—1821). Популярность этой работы по обе стороны Атлантики, судя по всему, была велика. В Лондоне в 1815 г. она выдержала три издания, а в США нам известно по крайней мере о двух изданиях — в 1815 г. в Филадельфии и в 1816 г. в Крентоне (штат Нью-Джерси).

Отчасти, вероятно, этой популярностью можно объяснить предварительные важные для американских читателей рассуждения ре-

---

<sup>33</sup> Вероятно, речь идет о кофе Мокко (Моха), получившего свое название от порта в Йемене. С середины XVIII в. оттуда в Европу стали вывозиться кофейные зерна, так же был назван сорт кофе.

<sup>34</sup> Miscellaneous Extracts from Foreign Journals. P. 177.

<sup>35</sup> Подробнее см.: Забытый парад русской армии: Вертю, 1815: документы и материалы / Сост.: А.М. Валькович, А.Ю. Левычкина; предисл. А.Ю. Левычкиной; вступ. ст., примеч. А.М. Вальковича. М., 2015.

цензента, касавшиеся его отношения к особенностям восприятия английскими путешественниками Франции и французов. Тюдор начал рецензию на филаделфийское издание книги с утверждения о том, что хотя визитеры из Англии «толпами» посещали все уголки Франции, а английские семьи даже годами там проживали, «эта страна, кажется, предназначается для недовольства ей со стороны авторов травелогов»<sup>36</sup>. Им не нравилось многое из того, что они видели в стране до Французской революции 1789 г. Например, маркизы носили обувь с красными каблуками как символ знатности и богатства, а крестьяне — деревянные башмаки; дамы пользовались румянами, а господа облачались в расшитые узорами одежды; народ был поработан католическими священниками и следовал «глупым практикам». Однако и после революции англичане были недовольны, жалуясь якобы на грубость и свирепость французов и неуправляемое разорение религии<sup>37</sup>. У. Тюдор допускал справедливость некоторых подобных утверждений, но в то же время видел при таком подходе много преувеличений.

Он подчеркнул, что Дж. Скотт написал свой травелог в надежде на его популярность в Англии, для чего явно льстил своей родине и соотечественникам и сильно выпячивал пороки французов и Франции. Тюдор по этому поводу сделал вывод: «Это совершенно естественно для нравов английского редактора газеты, но не является наиболее желанной линией поведения для путешественника»<sup>38</sup>. Книга, как отметил рецензент, демонстрирует дурной вкус автора, написана современным «испорченным» английским языком, содержит «варварские» слова, плохую манеру изложения. Характеризуя Скотта как «партийного писателя» со своими предрассудками, рецензент все же признает его проницательность, а суждения и описания, опиравшиеся на личные впечатления, считает «зачастую справедливыми и живыми»<sup>39</sup>.

Тюдор сделал примечательное общее замечание относительно изменения отношения к Франции: когда эта страна была «могущественной, высокомерной и зловредной, мы должны были убеждать все человечество сопротивляться и бороться с ней; но когда она повержена, сломлена и унижена, наши атаки должны прекратиться»<sup>40</sup>. Поэтому рецензент призывал следовать точному древнему лозунгу, когда в одном случае *debellare superbos* (лат. ниспровержен-

---

<sup>36</sup> Scott's Visit to Paris // NAR. 1816. Vol. 2. No. 6. March. P. 398 (<https://www.jstor.org/stable/25121179>).

<sup>37</sup> Вероятно, имеется в виду лишение Католической церкви во Франции власти и богатств.

<sup>38</sup> Scott's Visit to Paris. P. 398.

<sup>39</sup> Ibid. P. 399.

<sup>40</sup> Ibidem.

ных шадить. — *Л.Т.*), а другом — *parcere subjectis* (лат. умирять горделивых. — *Л.Т.*). В качестве примера Тюдор указал на характеристику парижского общества: разглагольствуя о его недостатках, следует вспомнить, что Париж — это пристанище всех развращенных сластолюбцев Европы. Они живут там своим кругом, смешиваясь только с себе подобными опасными, аморальными, но лишенными грубости группами. Некоторые иностранцы годами живут, не имея связи с частной жизнью самих парижан и не посещая их жилища за исключением обедов в доме банкира или посла. Такие личности, контакты которых были ограничены, после отъезда представляли Францию очаровательной и аморальной страной.

Согласно рецензенту, подобное поверхностное знакомство с Парижем не имеет ничего общего с большинством местного общества. Но он признал, что во Франции, как и в других странах, иностранцу, особенно в крупном столичном городе, очень трудно войти в лучший круг частных лиц. Это относилось не только к Парижу, но и к Лондону. Иностранец мог быть принят в высшем обществе при необычных обстоятельствах, если, например, человек умел вести беседу, обладал музыкальными талантами, имел высокое социальное положение, приобрел широкую известность, даже дурную славу. Однако и при этом общество не становилось для такого человека «ни близким, ни связанным с ним какими-то узами»<sup>41</sup>. В качестве экзотических примеров Тюдор вспомнил о моде в лондонских салонах на «испанских патриотов» в течение «одной из зим» или любопытство парижского общества, принимавшего персидского и турецкого послов. Говоря о Париже, рецензент также напомнил американским читателям — нынешним «обычным прямодушным республиканцам» — о времени, когда самый изысканный избранный круг лиц считался несовершенным, не познакомившись с Б. Франклином, представлявшим во Франции в 1775–1785 гг. интересы восставших против Англии североамериканских колоний и завоевавшим широкую популярность в Европе. По инерции его американские соотечественники еще многие годы принимались «самым угодливым образом», однако в обычных случаях иностранцы с трудом входили в парижское общество, но оставались для него чужаками<sup>42</sup>.

Тюдор был вынужден признать существование во Франции безнравственности, подрывавшей некоторые основы общества. Однако он полагал, что надо знать особенности человеческого характера и происходившие в стране события и считал неразумным и неправильным грубое осуждение состояния французского общества.

---

<sup>41</sup> Ibid. P. 400.

<sup>42</sup> Ibidem.

Выбирая для читателей отрывки из книги Дж. Скотта, рецензент начал с прибытия путешественника из Англии в нормандский порт Дьепп. Для Скотта было удивительным «погружение» во французскую реальность, везде была слышна только французская речь. Он описал чувство человека, впервые вступившего на землю другой страны. Находясь на родине, путешественник ожидает увидеть за границей что-то новое, но все же надеется на то, что многое будет ему знакомо. В действительности же, по мнению Скотта, когда человек впервые покидает родину, он ни к чему не готов, все воспринимает через сильное первое впечатление, «ничто не пугает его больше, чем бесчисленные образы тех вещей и привычек, с которыми он был знаком»<sup>43</sup>.

В Дьеппе автор увидел разношерстную толпу, и больше всего его удивила новизна — ее милитаристский вид, так как почти каждый мужчина имел отношение к военному делу. Крайне неблагоприятное впечатление на Скотта произвел разнородный обмундированный персонал, поскольку это не походило на «отмеченные знаком законности вооруженных сил», каковыми, как он считал, были британские войска. В отличие от них, встреченные в Дьеппе французы скорее были похожи на остатки разрозненных «храбрых, ловких и свирепых, но беспринципных и необузданных» банд.

Рецензент характеризовал первые чувства Скотта при знакомстве с Францией как яркие и естественные. Но Тюдор критически отнесся к описанию милитаристского вида толпы, несравнимой с британскими военными, назвав его грубым абсурдом редактора газеты по стилю и аргументации. В противовес этому Тюдор предположил, что если бы француз, в свою очередь, увидел, как в английских портах Портсмут или Чатем несколько кораблей будут разоружены, их команды и офицеры уволены без перспективы поступления на службу и в повседневной одежде искать счастья, он бы, смеясь, начал рассуждать об «отмеченной знаком гарантии законности вооруженных сил» британской лейб-гвардии. Тюдор также подчеркнул, что в тот момент воинственные настроения можно было ощутить не только во Франции, но и в континентальной Европе от Альп до Рейна и пролива Ла-Манш. По его мнению, «военный дух и военные интересы в целом доминировали в каждой стране, кроме Англии; и в последней это смягчалось только благодаря ресурсам бесчисленных английских колоний и их торговли, позволявших нанять на работу недовольных людей, уволенных с военной службы»<sup>44</sup>.

---

<sup>43</sup> Scott's Visit to Paris. P. 401.

<sup>44</sup> Ibid. P. 409.

Тюдор подтвердил, что для англичан необычно выглядели упадок и разорение территорий, по которым Дж. Скотт следовал из Дьеппа в Париж. Рецензент объяснил такое состояние одним из значимых последствий Французской революции. Путешественник наблюдал нищету, плохие дороги, почти опустевшие дома и «немногочисленных их обитателей, имевших такой неприглядный и убогий облик, что было ясно, что они оказались в нынешних жилищах из-за какого-то принуждения, изгнавшего естественных владельцев из подобающей этим людям социальной среды и занявшего их места людьми, неспособными исполнять по отношению к обществу свои обязанности»<sup>45</sup>. Особенно это чувствовалось на пути между Дьеппом и Руаном, в меньшей степени – между Руаном и Парижем, хотя в целом упадок был таким же.

Описание парижских улиц и площадей, по словам рецензента, в ряде случаев «очень справедливо». Дж. Скотт отметил, что встретил в Париже много англичан, которые обращали внимание на грязные и узкие улицы, обшарпанные фасады домов, их грязные ступеньки и двери. В целом соглашаясь с такими наблюдениями соотечественников, путешественник все же признал Париж «самым великолепным городом», уловив его характер. Сравнивая Лондон и Париж, он заметил, что в английской столице ваши мысли и чувства не так часто и сильно возбуждены, как в Париже<sup>46</sup>. Путешественник обнаружил разницу между лондонскими и парижскими улицами. Англичане, по его словам, думали, что лучшие улицы Лондона прекрасны благодаря их роскоши, удобству, разумной достаточности и наличию общих коммуникаций. Такой облик контрастировал с живописным чрезмерно оживленным Парижским бульваром с его высокими, каменными, разнообразно декорированными домами. Дж. Скотт знакомился со знаменитыми достопримечательностями – Лувром, дворцом Тюильри, Елисейскими поля и т.д. – и пришел к такому заключению: «Парижу еще далеко до (древних. – Л. Т.) Афин, но он наводит на мысль о былой славе в большей степени, чем это можно говорить о Лондоне»<sup>47</sup>.

С самого начала путешественник наблюдал за поведением французов. На первый взгляд Скотту показалось, что по сравнению с англичанами настроение и манеры французов выглядели легче и сердечнее: несмотря на пережитые личные невзгоды и трудности, разум этого народа не ропщет. Важной чертой французов, по мнению путешественника, была жизнерадостность.

---

<sup>45</sup> Ibid. P. 406.

<sup>46</sup> Ibid. P. 413.

<sup>47</sup> Ibid. P. 416–417.

Рецензент положительно оценил многие резко критические наблюдения путешественника относительно французского национального характера и социальной системы. В частности, Дж. Скотт полагал, что «имперское влияние выросло на слабостях французского характера, которые демонстрировались при господстве старой династии Королей. <...> Безрассудная система, созданная Бонапартом, требовала своих собственных инструментов, и, используя несравненный талант и злодейство, он обработал народ таким образом, что тот согласился с его взглядами. <...> Говоря о том, что я лично увидел, большая часть общественного мнения Франции так или иначе была на стороне Бонапарта»<sup>48</sup>. Император убедил тщеславных французов, а также жителей других стран в триумфе Франции.

Размышляя об особенностях французской нации, путешественник отметил, что в отличие от Англии воинская повинность не считалась во Франции «тяжким злом». На первое место Дж. Скотт поставил любовь французов к домашнему очагу (малой родине), хотя в Париже это якобы игнорируется. На втором месте он увидел милитаризм в их взглядах и обычаях – высоко ценилась военная карьера. Широкое распространение грамотности даже среди крестьян способствовало большому потенциалу французской нации. Как в высшей степени положительную черту Скотт отметил утонченное поведение французской бедноты по сравнению с англичанами такого же социального положения<sup>49</sup>.

В своем восприятии французов путешественник отметил разницу между первым впечатлением и более близком знакомством с ними. Если сначала ему бросилась в глаза «бойкая изворотливость», то позднее Скотт обнаружил большее единообразие манер жителей Франции. В то же время проявилась противоречивость восприятия: жизнерадостность французов «является лишь живостью доверчивого тщеславия и почти всегда враждебна обязанностям и правдивости. <...> Посему стандарт нравов во Франции высок, а стандарт разговоров – остается еще выше, но в реальном познании и поведении эти стандарты были ниже и того, и другого»<sup>50</sup>. При этом Скотт надеялся, что при «хорошем правительстве» французы смогут достигнуть «наивысшей точки, которая напугает соперников».

Довольно много места в рецензии занял отрывок из травелога, посвященный французенкам, их воспитанию, нравам, семейным отношениям. Тюдор отметил точность некоторых наблюдений Скотта, однако критически отнесся к «слегка вульгарному убеждению» по-

---

<sup>48</sup> Scott's Visit to Paris. P. 418.

<sup>49</sup> Ibid. P. 419.

<sup>50</sup> Ibid. P. 421.

следнего в том, что будуар — это священное и чувственное убежище жены от посягательств мужа. Рецензент напомнил автору об опасности необоснованных широких обобщений на основании лишь двух-трех частных анекдотов.

Тюдор завершил свой обзор книги Скотта публикацией анонимного письма «известного ирландца», обнародованное в лондонской газете «Morning Chronicle». В нем ярко характеризовалась современная Франция, но американский рецензент все же назвал некоторые части «экстравагантной карикатурой»<sup>51</sup>. Автор письма опасался, что на Европейском континенте вновь начнется война, рисовал бедственное положение Франции, симпатизировал французскому народу. Трехнедельное пребывание в стране не давало возможности, по признанию ирландца, подробно познакомиться со страной, но у него сложилось самое плохое впечатление о повседневной жизни Парижа. Он писал: «Всё, находящееся на поверхности, было ужасным; у нас такого безобразия не было. <...> Даже до Революции нравы были достаточно плохими, но с того времени многие причины стерли позолоту. <...> я убежден, что единственный монстр (Наполеон Бонапарт. — *Л.Т.*) сделал больше для деморализации и снижения уровня цивилизованности этой страны, чем можно будет восстановить в течение века»<sup>52</sup>.

Тюдор закончил рецензию своими суждениями о Франции. Он отметил, что мощная страна, населенная талантливыми людьми, контролировавшая большую часть Европы, потерпела поражение. Но победителем в глазах рецензента являлась только Англия, при том, что ее население было наполовину меньше, чем во Франции, что Англию «отвлекали» партии и разрывали междоусобные споры. Тюдор был уверен в том, что главная причина победы — это существующий в Англии «дух свободы» и энергия, его создавшая. «Кажется, что этим бесценным принципом Франция не способна обладать...»<sup>53</sup> Кроме того, Англия смогла победить за счет своих колоний и торговли. Таков был, согласно рецензенту, итог торжества свободы над деспотизмом.

Близкой по тематике травелогов о Франции показалась журналу книга<sup>54</sup> известной английской писательницы, поэтессы, социаль-

---

<sup>51</sup> Ibid. P. 428.

<sup>52</sup> Ibid. P. 429.

<sup>53</sup> Ibid. P. 430.

<sup>54</sup> A Narrative of the Events Which Have Taken Place in France, from the Landing of Napoleon Bonaparte, on the First of March, 1815, till the Restoration of Louis XVIII. With an Account of the Present State of Society and Public Opinion. By Helen Maria Williams. Philadelphia, 1816. (1st ed. — London, 1815.)

ного критика Хелен Марии Уильямс (1765–1827)<sup>55</sup>. Думается, что выбор «NAR» был не случаен. Рецензию вновь написал У. Тюдор. Он обратил внимание на большое количество книг о Наполеоне, в которых содержалась противоречивая характеристика этого человека, и предположил невозможность написать о нем объективный труд. При этом одно твердое мнение Тюдора относительно Наполеона категорично: «<...> обладая властью прибавить человеку больше счастья, он (Наполеон. — *Л.Т.*) обрушил на него больше невзгод, чем кто бы то ни было в наши времена»<sup>56</sup>. Рецензент полагал, что американскому читателю будет интересна книга Х.М. Уильямс из-за ее литературных талантов и преимуществ в понимании Франции благодаря длительному проживанию в стране. В то же время он иронизировал над первоначальным восторженным отношением англичанки к Наполеону.

В первом цитируемом отрывке из книги рассказывалось об изгнании из Франции яркой роялистки дофины Марии Терезы Шарлотты Французской (1778–1851)<sup>57</sup>. Обращаясь к событиям, связанным с поражением в 1814 г., вновь появляется тема русских казаков. Тюдор опять повторил утверждение, уже звучавшее в «NAR»:

«Само слово “казак” наводило ужас на жителей Франции; войска, которые обобщенно так называли, были насколько же разными по своим нравам, как и непохожими друг на друга племенами. Некоторые из них представляли собой такие же регулярные и дисциплиниро-

---

<sup>55</sup> Х.М. Уильямс критиковала институт рабства, положительно встретила Французскую революцию 1789 г. Летом 1790 г. побывала во Франции, в конце 1791 г. еще раз посетила эту страну и поселилась там в конце 1792 г. Уильямс симпатизировала умеренным жирондистам. Однако в своем парижском салоне кроме них она принимала оказавшихся в Париже британских радикалов, в том числе автора знаменитого памфлета «Здравый смысл» Т. Пейна, английскую феминистку М. Уолстонкрафт. В октябре 1793 г. Уильямс вместе с английскими радикалами была арестована, но вскоре ее отпустили, и она бежала в Швейцарию в июне 1794 г., спасаясь от якобинцев. После ликвидации их режима в июле 1794 г. англичанка вернулась в Париж. Несмотря на ненависть к М. Робеспьеру, Уильямс продолжала одобрять принципы, провозглашенные Французской революцией. Сначала она с энтузиазмом встретила приход к власти Наполеона Бонапарта, но позднее обвинила его в тирании и приветствовала его крушение. В 1817 г. Уильямс стала натурализованной гражданкой Франции, но 10 лет жила в Амстердаме. Скончалась в Париже. Подробнее о ней см.: URL: <https://www.britannica.com/art/poetry/Poetry-and-prose>; <https://www.digitens.org/en/notices/helen-maria-williams.html>

<sup>56</sup> *Narratives of Events in France // NAR*. 1816. Vol. 3. No. 7. May. P. 107.

<sup>57</sup> Старшая дочь короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты, эмигрировала в Вену (1795). В 1799 г. вышла замуж за Людовика (Луи-Антуана), герцога Ангулемского (1775–1844). После крушения Наполеона вернулась во Францию (1814). После Июльской революции 1830 г. во Франции вновь была вынуждена эмигрировать, скончалась в Австрии.

ванные части, как и любые другие кавалеристы; другие были в крайней степени необузданными и иррегулярными и, как слоны, использовавшиеся в армиях Востока, были в равной степени губительными для друзей и врагов»<sup>58</sup>.

Вместе с тем Тюдор признал, что далеко не всегда казаки были виноваты «во многих гнусных преступлениях», в которых их иногда обвиняли<sup>59</sup>. Именно такой случай (возможно, мифический), описанный в книге Х.М. Уильямс, его заинтересовал. Особое значение рецензент придал упоминанию одного из героев Войны за независимость США (1775–1783) Тадеуша Костюшко<sup>60</sup>, имя которого было хорошо известно каждому американцу. Тюдор назвал этого человека одним из самых знаменитых поляков в истории: ему невозможно было не симпатизировать в отличие от негативного отношения к «дрянному правительству, восстановление которого являлось его (Костюшко. — *Л.Т.*) целью»<sup>61</sup>.

Довольно подробно Х.М. Уильямс изложила криминальный эпизод с участием французов, служивших в организованном местной полицией еще при Наполеоне отряде добровольцев. Цель подобных отрядов заключалась в защите жителей в департаментах вокруг Парижа, поскольку газеты ежедневно пугали людей печальными рас-

---

<sup>58</sup> Narratives of Events in France. P. 109.

<sup>59</sup> Ibidem. По некоторым российским архивным документам, в русском оккупационном корпусе, находившемся в 1815–1818 гг. во Франции, военнослужащие иногда совершали преступления: «Обвинений в воровстве (в том числе и с недоказанной виной) было выдвинуто 28, в контрабанде — 10, в грабеже с применением насилия — 6, в убийствах и французов и русских — 8, в неуставном обращении к старшему по званию — 10, в ослушании (невыполнении или плохом выполнении приказа) — 9, в пьянстве — 8, в написании фальшивок — 4, в драках с французами — 14, в драках с сослуживцами — 2, в сексуальном насилии — 1. Кроме того, два дела были возбуждены из-за нападений французов на русских солдат. Виноватых в четырех убийствах как военных, так и гражданских лиц найти не удалось. И наконец, зафиксировано 18 самоубийств». См.: Болт В.С. После Наполеона. Русская армия во Франции, 1815–1818 гг. СПб., 2023. С. 149; *Ее же*. Русский оккупационный корпус во Франции 1815–1818 гг.: агрессоры или жертвы обстоятельств? // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2014. Вып. 16: Историческая политика и политика памяти. С. 225–234.

<sup>60</sup> Тадеуш Анджей Бонавентура Костюшко (1746–1817) — польский политический и военный деятель. В 1776–1784 гг. находился в Америке. Возглавил Польское восстание (1794) против России, боролся за возрождение Речи Посполитой. В 1796 г. был помилован русским императором Павлом I, поклялся не воевать против царя и его потомков. Выехал в США, в 1798 г. переехал в Париж, не стал сотрудничать с Директорией и Наполеоном, отказался возглавить польские легионы. В 1815 г. отказался от предложения русского императора Александра I переехать в Царство Польское. Последние годы жизни проживал в Швейцарии. Подробнее о Т. Костюшко см.: Narratives of Events in France. P. 110–112.

<sup>61</sup> Narratives of Events in France. P. 109.

сказами о грабежах и насилии, учиненных «северными варварами»<sup>62</sup>. Однако в данном случае далеко не везде, по словам автора, находились русские казаки и «под чужим флагом» бесчинства совершали упомянутые добровольцы — рабочие из Парижа, одетые для маскировки в казацкую одежду (так называемые *Cossacks of the Faubourgs St. Antoine and St. Maceau*). Неудачной была их попытка ограбить виллу французского полковника, который вместе со своим полком находился недалеко от Парижа в г. Мо. В результате этот полковник и его подчиненные прибыли на виллу, окружили дом, захватили грабителей и повесили их на деревьях. Х.М. Уильямс возмущалась такой защитой со стороны наполеоновской полиции, «побуждая страну и Париж к бесполезному сопротивлению наступающим армиям». Она саркастически заметила: «Северные казаки были менее страшны, чем казаки-парижане»<sup>63</sup>.

Англичанка резко критиковала за деспотизм Наполеона, опиравшегося во всех своих действиях на собственные сиюминутные интересы, рассматривавшего не только территорию Франции, но и всех ее жителей как свою собственность<sup>64</sup>. В то же время рецензент одобрил замечания Уильямс об опрометчивости иностранца в его стремлении выразить комплимент французам через восхваление Наполеона. Например, она полагала, что больше всего в этом случае французам удивляло благожелательное отношение к императору английских путешественников. Тюдор объяснял такую реакцию французским менталитетом: «Когда бы его (Наполеона. — *Л.Т.*) ни атаковали, они (французам. — *Л.Т.*) будут его защищать, исходя из собственного чувства, будто такая атака на самом деле означает нападки на их нацию»<sup>65</sup>.

Рецензент обратил внимание американских читателей на описание облика Парижа в канун захвата его союзными силами 1 июля 1815 г., как итог провала «Ста дней» Наполеона. Горожане были взволнованы, ожидая врага; театры закрыты; слышались издали пушечные выстрелы. Но вечером того же дня фешенебельный Итальянский бульвар как обычно наполнила толпа. Периодически проходили войска и «иногда вся веселость прекращалась печальным видом раненых жертв тех перестрелок, которые корчились в агонии и были окровавлены»<sup>66</sup>, т.е. мирная повседневность лицом к лицу столкнулась с трагедией и причиненными войной страданиями.

В заключение следует отметить, что «NAR» сыграл важную роль в знакомстве американцев через свидетельства очевидцев с событиями

---

<sup>62</sup> *Narratives of Events in France*. P. 109.

<sup>63</sup> *Ibid.* P. 110.

<sup>64</sup> *Ibid.* P. 112–113.

<sup>65</sup> *Ibid.* P. 119.

<sup>66</sup> *Ibid.* P. 118.

ями во Франции в драматическое время крушения империи Наполеона I Бонапарта и завершения эпохи Наполеоновских войн. Авторами этих трудов были американец и англичане. Каждый из них по-своему воспринимал увиденное, делал собственные более общие выводы. В то же время практически всех их интересовали не только города, в частности Париж, но и сельская местность, особенности нравов французов. Естественно, что особое место в книгах занимала личность Наполеона. Знаменательно, что в силу специфики исторических событий в публикациях о Франции в 1814–1815 гг. косвенно присутствует Россия в образе русских военных. Своеобразным гидом по этим публикациям был рецензент журнала, его первый редактор и один из основателей У. Тюдор. Он обстоятельно знакомил американцев не только с содержанием упомянутых изданий, но, что не менее важно, сам рассуждает о проблемах истории, современного положения дел во Франции, французской идентичности и национального характера с умеренно-консервативных позиций, защищая американские либеральные ценности и республиканизм. В будущем «NAR» продолжит и расширит практику публикации рецензий на травелоги, касающиеся других стран и регионов континентальной Европы.